

**ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ
У ЧЛЕНОВ ФАНАТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ**

А.А. Арустамов, Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин, г. Москва

Феномен фанатизма в последнее время вновь стал серьезной общественной и политической проблемой в разных частях планеты, как это всегда происходит в периоды нестабильности и неуверенности в будущем. Невозможность найти какую-либо опору в реальности приводит к поиску опоры в ценностях и убеждениях, чрезмерной их абсолютизации и утрате ими гибкости и динамичности. Наряду с достаточно давно описанными явлениями религиозного, политического и другого фанатизма, в XX веке сформировалось такое сравнительно новое явление, как фанатство, ценностным основанием которого, в отличие от собственно фанатизма, выступают не смысложизненные и мировоззренческие убеждения, а вкусовые предпочтения в области музыки, спорта и др., которым искусственно придается сверхзначимая роль в регуляции жизнедеятельности. С точки зрения социально-психологических механизмов вовлеченности в жизнь сообщества, между фанатизмом и фанатством много общего. Сам феномен фанатства свидетельствует о том, что социально-психологическая сторона этого явления более значима, чем ценностная, т.е. ценностная основа менее важна, чем потребность в определенных формах объединения. Вместе с тем фанатство, как и фанатизм, предполагает частичный «отказ от собственной личности» (Леонтьев, 1989), делегирование высшему авторитету, кумиру, статуса высшей инстанции в принятии решений. Фактически, речь идет о том, что в структуре саморегуляции жизнедеятельности фанатиков и, отчасти, фанатов, критерии, на основании которых оцениваются текущие действия, принадлежат не самому субъекту, а принимаются им «в готовом виде». Это позволяет расценивать фанатизм и его облегченную форму – фанатство – как нарушение саморегуляции, своего рода ценностную «метапатологию» (см. Маслоу, 1999).

Мы предположили, что активные члены фанатских объединений отличаются по своим особенностям саморегуляции от их сверстников, не являющихся членами подобных объединений.

Организация и методы исследования

Для проверки этого предположения мы провели онлайн-исследование через Интернет. Несмотря на известные ограничения возможностей такого сбора данных, сомнения в их достоверности, неоднозначное отношение со стороны тех, к кому мы обращались, результаты говорят о том, что эта стратегия себя оправдала. Респонденты рекрутировались через Интернет-сайты, чаты, а также фанатские группы и объединения разных социальных Интернет-сетей, посвященные отечественным и зарубежным музыкальным исполнителям и группам исполнителей различных стилей и направлений музыки (рок, хард-рок, хеви-металл, поп, поп-рок, рэп, хард-блюз, хард-кор, регги и др.), посетителям которых предлагалось добровольно принять участие в исследовании фанатизма, проводимом специалистами МГУ им. М.В. Ломоносова. Выразившим свое согласие индивидуально высылалась по электронной почте батарея методик для заполнения, которая возвращалась также по электронной почте в заполненном виде.

Всего для обработки были использованы протоколы 78 молодых людей из городов России, Украины, Белоруссии, Молдовы и Казахстана, из которых 43 в ответ на прямой вопрос определили себя как фанатов, а 35 себя фанатами не считают, либо не уверены в

этом. В выборке фанатов юноши и девушки распределились примерно поровну, в контрольной выборке девушек было менее 25 %. По возрасту подавляющее большинство опрошенных укладывалось в диапазон от 18 до 26 лет, с максимумом на 18 и дальнейшим плавным снижением; средний возраст 21 год. Фанатский стаж варьировал от 6 месяцев до 12 лет, в среднем три года. Образование было выше у тех, кто не причислял себя к фанатам: неполное высшее или высшее образование среди них имели 79,4 %, а у фанатов только 48,5 %. Верующие в Бога преобладают над неверующими в равной степени и в той, и в другой группе.

Исследовательская батарея включала в себя три части: 1) прямые вопросы социально-демографического и мировоззренческого характера; 2) задача определения понятий «фанатизм», «фанатик» и «фанат» и 3) батарею тестов, направленных на диагностику различных аспектов личностного потенциала как структурной основы саморегуляции (см. Леонтьев, 2006). В числе использованных нами методик были: Шкала толерантности к неопределенности (MSTAT-I) Д. Маклейна в адаптации Е.Г. Луковицкой, Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО) Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина и А.Ж. Салиховой, Шкала удовлетворенности жизнью (ШУДЖ) Э. Динера в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина, Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева (2002), тест личностного динамизма (ЛД) (Сапронов, Леонтьев, 2007) и Дифференциальный тест рефлексии (ДТР) (Леонтьев, Лаптева, Осин, Салихова (в печати)). Здесь мы остановимся преимущественно на результатах психометрической проверки гипотез.

Результаты и их анализ

Прежде всего мы предположили, что респонденты, определяющие себя как фанатов, будут отличаться по своим личностным характеристикам от тех, кто себя фанатами не считает. Для проверки этой гипотезы мы сравнили значения всех личностных переменных в обеих выборках по двустороннему t -критерию Стьюдента. Результаты оказались обескураживающими: значимых различий ни по одной переменной обнаружено не было. Проведенный далее однофакторный дисперсионный анализ взаимосвязи субъективного фанатизма со шкалами методик позволил выявить значимые различия лишь по шкалам Интроспекции и Квазирефлексии ДТР – фанатам более, чем не фанатам, свойственно самокопание и размышления, не относящиеся к текущей ситуации.

Следующим шагом стала попытка использовать в качестве критерия разбиения выборки ответ на вопрос о членстве в фанатских объединениях. Он во многом совпадает с самоидентификацией, но не совсем: в таких объединениях, по ответам, состоят 72 % тех, кто считает себя фанатом и 17 % тех, кто себя фанатом не считает. Были вновь получены значимые различия по шкалам Интроспекции и Квазирефлексии, а также по общему показателю СЖО: осмысленность жизни, вопреки стереотипам, оказалась выше у тех, кто не состоит в фанатских объединениях. Эти единичные различия нельзя рассматривать как подтверждающие выдвинутую гипотезу.

Мы далее предположили, что группы фанатов и нефанатов не являются внутренне однородными и что возможны более тонкие различия, которые нивелируются при разделении выборки на две части на основе прямой самоидентификации.

С целью проверки этого предположения мы использовали стратегию, предложенную Д. Магнуссоном: выделять группы испытуемых, в которых тенденции развития обнаруживают единообразие («индивидуальные паттерны» или типы). Этот подход предполагает выделение типов испытуемых с помощью методов классификации, а именно с помощью кластерного анализа (см., например, Калитеевская, Леонтьев, Осин, Бородкина, 2007),

С объединенной выборкой наших респондентов был проделан иерархический кластерный анализ по методу Уорда (Ward's method), особенность которого в том, что на каждом шаге он присоединяет к кластеру элемент таким образом, чтобы дисперсия внутри кластера прирастала минимально; из всех методов кластерного анализа он наиболее

близок к параметрическим методам. В качестве основы кластеризации использовались стандартизированные (в z-оценках) баллы респондентов по основным шкалам методик (без учета субшкал).

В результате выделились три больших кластера и четвертый небольшой, по-видимому, отражающий дезадаптацию. Значимость различий между полученными кластерами проверялась с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). Различия оказались значимы по всем шкалам. Были рассчитаны средние значения переменных по кластерам (z-оценки). Содержательная интерпретация каждого кластера основывается на отличии средних показателей этого кластера от средних по выборке. Выраженными мы считали различия, отличающиеся от среднего по выборке более чем на 0,5 стандартного отклонения.

1. «Протестные» (N=19)

Респонденты, вошедшие в первый кластер, демонстрируют относительно высокие показатели по шкалам «Позитивное одиночество» ДОПО и «квазирефлексия» ДТР и относительно низкие – по шкале «Потребность в близости» ДОПО. Остальные показатели близки к средним по выборке.

2. «Саморегулируемые» (N=25)

Респонденты, вошедшие во второй кластер, демонстрируют относительно высокие показатели по шкалам Толерантности к неопределенности, Осмысленности жизни и относительно низкие – по шкалам Интроспекции и Квазирефлексии. Остальные показатели близки к средним по выборке.

3. «Зависимые» (N=26)

Респонденты, образовавшие третий кластер, демонстрируют относительно высокие показатели по шкале «Потребность в близости» и относительно низкие – по шкалам «Толерантности к неопределенности», «Позитивное одиночество» Остальные показатели близки к средним по выборке.

4. «Дезадаптивные» (N=8)

Респонденты, вошедшие в этот кластер, демонстрируют относительно высокие показатели по шкалам Интроспекции, Общего одиночества, Квазирефлексии и относительно низкие по шкалам Личностного динамизма, Толерантности к неопределенности, Осмысленности жизни, Удовлетворенности жизнью. Остальные показатели близки к средним по выборке.

Далее мы проверили взаимосвязь фанатской самоидентификации с выделенными нами кластерами. Хи-квадрат Пирсона дал значимый результат ($p=0,014$), что позволяет отвергнуть гипотезу о равномерности распределения фанатов и не фанатов по четырем кластерам. Фанаты и не фанаты распределились по кластерам следующим образом (табл. 1):

Таблица 1

Распределение респондентов по кластерам

Кластеры	Фанаты	Не фанаты	Сомневающиеся
1. Протестные	13	3	3
2. Саморегулируемые	8	14	3
3. Зависимые	18	6	2
4. Дезадаптивные	4	1	3
Общее количество человек:	43 чел.	24 чел.	11 чел.

Как ясно видно из табл. 1, респонденты, относящие себя к фанатам, значительно чаще оказываются в кластерах Протестных и Зависимых, а не относящие себя к фанатам – в кластере Саморегулируемых. Это весьма наглядно подтверждает нашу гипотезу о том,

что фанатство сопряжено с нарушенной саморегуляцией. Не менее убедительна картина распределения по кластерам респондентов, по-разному ответивших на вопрос о членстве в фанатских объединениях (см. табл. 2). Хи-квадрат Пирсона также значим ($p=0,029$), что позволяет отвергнуть гипотезу о равномерности этого распределения.

Таблица 2

Распределение членов и не членов фанатских объединений по кластерам

Кластеры	Не состоят	Состоят
1. Протестные	6	13
2. Саморегулируемые	17	8
3. Зависимые	16	10
4. Дезадаптивные	2	6
Общее количество:	41 чел.	37 чел.

Обсуждение и выводы

Итак, если первоначальная исследовательская стратегия движения от самоидентификации как фаната или членства в фанатском объединении к личностным характеристикам не привела к успеху, то обратная стратегия – от личностных особенностей к фанатству – оказалась вполне продуктивной. Она позволила выявить психологическую неоднородность молодых людей, склонных к определению себя как фанатов и к членству в фанатских объединениях. Можно выделить два личностных типа или паттерна фанатов, которые можно условно обозначить как индивидуально-ориентированные фанаты и социально-ориентированные фанаты.

Первые из них ценят одиночество, не имеют острой потребности в общении с себе подобными и склонны к отвлеченным мыслям и фантазиям. По-видимому, их привязанность к объекту фанатизма носит интравертированный характер, кумир и те ценности, которые он воплощает, определяют уникальное содержание их внутреннего мира, делая его опорой в противовес внешнему миру. Вторые, напротив, нуждаются в общении, а одиночество вызывает у них дискомфорт. У них также понижена толерантность к неопределенности, что может свидетельствовать об отсутствии опоры внутри себя и высокой тревожности, совладать с которой помогает включенность в социальную систему с четкими иерархиями, правилами, ожиданиями и ритуалами. Это скорее экстраверты, которые усматривают ценность фанатской активности в том, что она позволяет им стать членом группы себе подобных и реализовать свою потребность во внешней социальной регуляции, без которой они ощущают дискомфорт.

Оба этих паттерна представляют собой определенные, хоть и разные, нарушения саморегуляции. В первом случае, по-видимому, в какой-то степени нарушена способность полноценного контакта с внешним миром и окружающими людьми, баланс между активностью во внешнем и во внутреннем мире ощутимо сдвинут в сторону последней. Во втором случае нарушены механизмы личностной автономии и самодетерминации, человек нуждается в зависимости и внешнем управлении. Характерно, что третий из основных кластеров – саморегулируемые респонденты, в число которых входит лишь несколько фанатов, – представляет собой эталон оптимальной саморегуляции. Наиболее неблагоприятную картину являет небольшой кластер Дезадаптивных, в котором фанаты также преобладают.

В некотором смысле фанатство служит средством преодоления одиночества – либо путем компенсаторного ухода во внутренний мир, либо путем нахождения единомышленников в мире внешнем. Интересно, что двухфакторный дисперсионный анализ показал, что показатель общего одиночества предсказывается взаимодействием

двух переменных: самоидентификации как фаната и веры в Бога ($F(1; 74)=5,14$ ($p \leq 0,05$)). Наиболее одинокими себя ощущают неверующие не фанаты, у верующих переживание одиночества ниже, вне зависимости от фанатизма, а у неверующих фанатов оно самое низкое. Таким образом, фанатизм заменяет неверующему человеку одно из преимуществ веры в Бога – преодоление одиночества. Если человек в Бога не верит, то благодаря фанатизму он становится менее одиноким.

Представляется, что полученные результаты помогут пролить свет на психологические механизмы фанатизма, включая и его самые тяжелые формы, вплоть до терроризма.

Литература

1. *Калитеевская Е.Р., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Бородкина И.И.* Смысл, адаптация и самодетерминация у подростков // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 68–79.
2. *Леонтьев Д.А.* Личность: человек в мире и мир в человеке // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 11–21.
3. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992.
4. *Леонтьев Д.А.* Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 2 / под ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006. С. 85–105.
5. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
6. *Сапронов Д.В., Леонтьев Д.А.* Личностный динамизм и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 66–84.

ОБЩЕНИЕ КАК ПОНИМАНИЕ СЕБЯ И ДРУГИХ

Д.П. Ахмадеева, г. Москва

Понимание себя и других является и процессом, и результатом познания, и в то же время мета-знанием: вновь полученное знание тут же понимается, эмоционально окрашивается и к нему формируется отношение. Понимание предполагает выход за границы понимаемого в более широкий контекст, соотнесение его со всем накопленным прошлым опытом. Проблема понимания человеком себя и других взаимосвязаны, и особенно эффективным здесь оказывается междисциплинарный подход, дающий возможность взглянуть с разных сторон на целостную реальность изучаемых феноменов.

Кроме того, необходимо изучить особенности понимания субъектом себя и других в структуре жизненного опыта и возможности его изменения и развития в тренинге за счет переструктурирования системы индивидуальных смыслов. Поэтому целью нашего исследования стало выявление тенденций изменений в смысловой и категориальной структуре понимания себя и других у субъектов тренинга (на модели личностно-развивающего тренинга).

Анализируя структурные особенности и направления изменения в понимании себя и других участниками тренинга, мы выдвинули следующие гипотезы:

1. Динамика понимания себя и других в результате тренинга у его участников имеет неоднородный характер и различается по временному параметру (темпу изменений).

Гипотеза-следствие 1: у некоторых участников наибольшие изменения в понимании себя и других проявятся сразу после тренинга, а у некоторых – спустя временной (адаптационный) отрезок.

Гипотеза-следствие 2: на разных временных отрезках (сразу после тренинга и спустя три месяца) в понимании себя и других у его участников могут преобладать неодинаковые тенденции в динамике качественно-количественных показателей.

ББК 88+88.8+8
УДК 15.9+371.015+378
П 86

*Рекомендовано к печати
Ученым советом Учреждения Российской академии образования
«Психологический институт» (протокол № 7 от 4 сентября 2009 г.)*

Ответственный за выпуск:

А.А. Бодалев, академик РАО, д-р психол. наук, профессор

Редакционная коллегия:

*Л.А. Карпенко, канд. психол. наук; Н.Л. Карпова, д-р психол. наук;
Н.В. Кисельникова, канд. психол. наук; В.А. Лабунская, д-р психол. наук;
Л.В. Матвеева, д-р психол. наук; Т.И. Пашукова, д-р психол. наук;
Т.П. Скрипкина, д-р психол. наук; Н.Д. Творогова, д-р психол. наук;
И.Б. Ханина, д-р психол. наук*

П 86 **Психология общения XXI век: 10 лет развития:** Материалы Международной конференции 8–10 октября 2009 года : в 2-х томах. Том 1. – М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2009. – 376 с.

ISBN 978-5-91070-043-1 (Том 1)

Сборник статей, посвященных Международной конференции «Психология общения XXI век: 10 лет развития», состоит из двух частей. В них освещается современное состояние фундаментальных и прикладных исследований психологии общения.

Представленные учеными разных стран материалы раскрывают методологические и теоретические проблемы общения. В них рассматриваются структура коммуникативной компетентности, психологические состояния и свойства общающегося человека; анализируются возможности применения вербальных и невербальных средств общения; предлагаются модели обучения общению и показываются приемы его оптимизации; выделяются психологические особенности межличностного и межгруппового общения; обсуждаются причины затрудненного общения и проблемы психологической коррекции разного рода нарушений общения и др.

Значительная часть статей посвящена этнопсихологическим и культурологическим вопросам общения, а также специфике общения в СМИ, политике, рекламе.

Сборник издан при поддержке РГНФ, грант № 09-06-14057г

ББК 88+88.8+8
УДК 15.9+371.015+378

ISBN 978-5-91070-043-1 (Том 1)
ISBN 978-5-91070-042-4

© Учреждение Российской академии образования
«Психологический институт», 2009
© Коллектив авторов, 2009